

Быкова Наталья Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства, Российский новый университет, Москва. SPIN-код: 7173-8139, AuthorID: 762754
Электронный адрес: BikovaNV@stud.rosnou.ru

Natalya V. Bykova

Ph.D. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of the theory and history of law and state, Russian New University, Moscow. SPIN-code: 7173-8139, AuthorID: 762754
E-mail address: BikovaNV@stud.rosnou.ru

НОВЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: СИСТЕМАТИЗАЦИЯ И МЕСТО В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОГО ПРАВОПОРЯДКА

Аннотация. Статья посвящена систематизации и классификации новых прав человека в контексте российского правового порядка, проблемам их правового регулирования в России. *Актуальность* исследования обусловлена качественной трансформацией прав человека под влиянием цифровизации, экологических вызовов и развития биомедицинских технологий. *Цель* работы состоит в разработке научно обоснованной классификации новых прав человека и выявлении особенностей их правового регулирования в России. *Методология* исследования включает системно-структурный, сравнительно-правовой, формально-юридический, исторический методы. Проанализированы конституционно-правовые основы признания новых прав в Российской Федерации, предложена классификация, включающая пять основных групп: цифровые права, экологические права, биоэтические права, права, связанные с искусственным интеллектом, и социально-экономические права нового поколения. Выявлены проблемы реализации новых прав и определены перспективы развития правового регулирования. *Научная новизна* работы заключается в комплексном анализе новых прав человека с учетом российской специфики правового регулирования и правоприменительной практики. *Практическая значимость* исследования состоит в формулировании рекомендаций по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики. Результаты исследования могут быть использованы в законотворческой деятельности, для развития правоприменительной практики и в процессе преподавания дисциплин юридического спектра.

Ключевые слова: новые права человека, цифровые права, экологические права, биоэтические права, искусственный интеллект, права будущих поколений.

Для цитирования: Быкова Н.В. Новые права человека: систематизация и место в контексте российского правового порядка // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2026. № 1. С. 60–71. DOI: 10.18137/RNU.V9276.26.01.P.060

NEW HUMAN RIGHTS: SYSTEMATIZATION AND PLACE IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN LAW AND ORDER

Abstract. The article focuses on the systematization and classification of new human rights in the context of the Russian legal order, discusses the problems of their legal regulation in Russia. *The relevance* of the study is determined by the qualitative transformation of human rights under the influence of digitalization, environmental challenges, and the development of biomedical technologies. *The purpose* of the work is to develop a scientifically based classification of new human rights and identify the features of their legal regulation in Russia. The research *methodology* includes systemic-structural, comparative legal, formal-legal, and historical methods. The constitutional and legal foundations for the recognition of new rights in the Russian Federation are analyzed, and a classification is proposed that includes five

Новые права человека: систематизация и место в контексте
российского правопорядка

main groups: digital rights, environmental rights, bioethical rights, rights related to artificial intelligence, and new-generation of socio-economic rights. Problems with the implementation of new rights are identified, and prospects for the development of legal regulation are determined. *The scientific novelty* of the work lies in a comprehensive analysis of new human rights, considering the Russian specifics of legal regulation and law enforcement practice. *The practical significance* of the study lies in the formulation of recommendations for improving legislation and law enforcement practice. The results of the study can be used in legislative activities, for the development of law enforcement practice and in the process of teaching legal disciplines.

Keywords: new human rights, digital rights, environmental rights, bioethical rights, artificial intelligence, rights of future generations.

For citation: Bykova N.V. (2026) New human rights: Systematization and place in the context of the Russian law and order. *Vestnik of Russian New University. Series: Man and Society*. No. 1. Pp. 60–71. DOI: 10.18137/RNU.V9276.26.01.P.060 (In Russian).

Введение

Актуальность исследования. Трансформация общественных отношений в XXI веке, обусловленная стремительным развитием цифровых технологий, обострением экологических проблем и революционными достижениями биомедицины, порождает качественно новые правовые феномены, требующие осмысления и нормативного закрепления. Концепция прав человека, традиционно включавшая права трех поколений, сегодня пополняется новыми категориями, формирование которых обусловлено объективными процессами цифровизации, экологизации и биологизации социальных отношений.

Для Российской Федерации, провозгласившей человека, его права и свободы высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ¹), вопрос о признании и регулировании новых прав человека приобретает особую остроту. Закрепленное в ч. 1 ст. 55 Основного закона нашей страны правило о том, что перечисление основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или

умаление других общепризнанных прав человека, создает нормативную основу для признания прав нового поколения. Однако отсутствие системного подхода к классификации и регулированию этих прав создает правовую неопределенность, препятствующую их эффективной защите.

Научная разработанность темы исследования. Проблематика новых прав человека находится на стыке конституционного права, международного права прав человека, информационного, экологического и биомедицинского права, что обуславливает междисциплинарный характер исследований в предметной области.

Теоретические основы концепции поколений прав человека получили масштабную разработку в трудах российских конституционалистов, однако соответствующие положения, безусловно, требуют критического осмысления и дополнительной адаптации в новейшей реальности. Среди примечательных работ в предметной области следует выделить, в частности, труды С.И. Глушковой [1], исследовавшей эволюцию прав человека в цифровую эпоху

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) (с изм. на 4 октября 2022 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9004937> (дата обращения: 20.11.2025).

и обосновавшей необходимость признания четвертого поколения прав. Н.В. Варламова предложила развитие концепции цифровых прав как качественно нового поколения прав человека (*sui generis*) [2]. В.Д. Зорькин, напротив, рассматривал цифровые права как актуализированные традиционные права в новых технологических условиях [3]. Н.С. Бондарь ввел понятие информационно-цифрового пространства правоотношений как новой сферы реализации прав человека [4].

Развитию концепции цифровых гражданских прав в значительной мере поспособствовали работы В.А. Карташкина [5], предложившего термин «информационно-цифровые права» для более точного отражения их природы. Следует отметить, что в западной доктрине право на объяснение активно дискутируется со времени принятия Общего регламента по защите данных (GDPR)¹, причем позиции ученых разнятся от признания его существования до отрицания [6; 7].

Проблематика закрепления и защиты экологических прав рассматривается, в частности, в работах М.М. Бринчука, предложившего фундаментальную методологию экологического права и обосновавшего конституционное значение экологических прав [8]. И.А. Умнова-Конюхова развивает концепцию экологической конституции [9], подчеркивая системообразующую роль экологических норм Конституции РФ.

Права будущих поколений как особая категория экологических прав исследуются в работах российских философов права, включая те, в которых обсуждается воз-

можность их нормативного закрепления, равно как и создания механизмов защиты интересов еще не родившихся людей. В частности, И.А. Филипова рассматривает концепцию безусловного базового дохода как элемент новой модели социального обеспечения в условиях технологической безработицы [10].

Биоэтические права находятся в фокусе внимания специалистов по медицинскому и биомедицинскому праву. М.И. Галюкова выдвигает новаторскую идею выделения самостоятельной категории биоэтических прав в структуре четвертого поколения прав человека, направленных на защиту генома человека и обеспечение биобезопасности [11]. В.И. Пржиленский анализирует философские основания Всеобщей декларации ЮНЕСКО о биоэтике и правах человека, выявляя культурно-исторические детерминанты биоэтических норм [12]. А.В. Кубышкин с соавторами исследуют правовое регулирование защиты геномной и генетической информации в России [13]. Практика Европейского суда по правам человека по вопросам биоэтики систематизирована в ряде работ (напр., [14; 15]), посвященных репродуктивным правам и защите генетического достоинства.

Проблема эвтаназии как элемента права на достойную смерть анализируется С.Э. Мустафаевым, который обосновывает необходимость введения привилегированного состава убийства по мотивам сострадания [16]. Ряд западных авторов (напр., [17; 18]) критикуют предусмотренный в различных юрисдикциях запрет эвтаназии как нарушение автономии лич-

¹ General data protection regulation (GDPR) / Regulation (EU) 2016/679 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and the free movement of such data // European Union. EUR-Lex: Правовой портал Европейского Союза. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/LSU/?uri=celex:32016R0679> (дата обращения: 20.11.2025).

Новые права человека: систематизация и место в контексте
российского правопорядка

ности и предлагают рассматривать право на смерть как неотъемлемую часть права на жизнь.

Исследовательская проблема заключается в отсутствии системного подхода к классификации и правовому регулированию новых прав человека в российском законодательстве.

Цель исследования состоит в разработке научно обоснованной классификации новых прав человека, выявлении особенностей их нормативного закрепления и правоприменительной практики в Российской Федерации, а также формулировании рекомендаций по совершенствованию правового регулирования в предметной области.

Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и частно-правовых методов, включая системно-структурный, сравнительно-правовой, формально-юридический, исторический и социологический. Применение междисциплинарного подхода обеспечивает учет достижений смежных наук (философии права, социологии, экологии и биоэтики) в предметной области настоящего исследования.

*Конституционно-правовое закрепление
прав нового поколения в законодательстве
Российской Федерации*

Конституционное законодательство РФ и практика Конституционного Суда РФ ориентированы на безусловное признание новых прав человека через отказ от ограничительной трактовки норм Основного закона, которыми не может устанавливаться закрытый перечень гражданских прав и свобод, что соответствует общепринятым международным стандартам в области прав человека. В контексте новых прав человека особое значение приобретают отдельные конституционные положения,

которые, не называя прямо цифровые, биоэтические или экологические права нового типа, тем не менее создают правовую основу для их обеспечения.

Наиболее развернутое конституционно-правовое закрепление в Российской Федерации среди прав нового поколения получили, пожалуй, *экологические права*. Ст. 42 Конституции РФ гарантирует каждому право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическим правонарушением. Данная норма корреспондирует с конституционной обязанностью каждого сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам (ст. 58 Конституции РФ). Важнейшим конституционным положением является признание земли и других природных ресурсов основой жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории (ч. 1 ст. 9 Конституции РФ). Данная норма закладывает философско-правовое основание для признания прав будущих поколений на благоприятную окружающую среду, поскольку природа рассматривается не как объект собственности, выполняющий исключительно экономическую функцию, а как основа существования нации во временной перспективе.

Информационные и цифровые права основываются на конституционном праве свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ). Конституционной основой для права на защиту персональных данных и цифровую приватность выступило закрепление прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ч. 1 ст. 23 Основного закона). Развитие информационных техно-

логий актуализировало содержание этих традиционных конституционных прав, придав им цифровое измерение.

Биоэтические права вытекают из конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь (ч. 1 ст. 41 Конституции РФ), а также из фундаментального права на жизнь (ч. 1 ст. 20 Конституции РФ). При этом Конституция не содержит прямых указаний на право человека распоряжаться собственным телом, геномом или жизнью, что создает правовые проблемы при регулировании таких вопросов, как эвтаназия или генетическое редактирование. Российская правовая доктрина исходит из того, что право на жизнь не включает право на смерть, а статья законодательства об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации прямо запрещает эвтаназию.

Аксиологическую основу для защиты новых прав человека создает признание человека, его прав и свобод высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ). Однако реализация данного конституционного принципа в условиях технологических и биомедицинских вызовов требует развития отраслевого законодательства и формирования судебной практики, обеспечивающей баланс между инновационным развитием и защитой фундаментальных прав человека.

Принятая в российской правовой доктрине классификация гражданских прав основывается на концепции поколений прав, согласно которой эволюция прав человека отражает исторические этапы развития общества и изменение представлений о взаимоотношениях личности и государства. К первому поколению традиционно относят гражданские и политические права, провозглашенные в эпоху буржуазных революций XVIII века; ко второму – социально-экономические и культур-

ные права, получившие признание после Второй мировой войны; к третьему – коллективные права (право на мир, развитие, здоровую окружающую среду), оформившиеся в 1960–1970-е годы.

Четвертое поколение прав человека формируется на рубеже XX–XXI веков и включает права, обусловленные цифровизацией общественных отношений, развитием биомедицинских технологий и обострением экологических проблем. К характерным чертам прав четвертого поколения относятся технологическая обусловленность их возникновения, трансграничный характер реализации и необходимость специальных правовых механизмов защиты.

В рамках четвертого поколения прав человека можно выделить пять основных групп.

Первую группу составляют **цифровые права**, призванные защищать личность в информационно-цифровом пространстве.

Ключевым среди таких прав выступает *право на цифровую приватность и защиту персональных данных*; основные инструменты реализации и защиты этого права предусмотрены в законодательстве о персональных данных.

В информационном праве России получило закрепление *право на цифровое забвение*. В частности, операторы поисковых систем обязаны по требованию граждан прекратить выдачу сведений о них, однако на практике сложно соблюсти баланс между правом на забвение и правом на информацию, свободой слова.

Право на доступ к интернету как самостоятельное цифровое право пока не закреплено в российском законодательстве, хотя в некоторых зарубежных государствах (Греция, Эстония, Франция) такое право получило законодательное признание. В российской действительности го-

Новые права человека: систематизация и место в контексте
российского правопорядка

сударство, не гарантируя право на доступ к интернету, одновременно расширяет полномочия по контролю и ограничению доступа к информационным ресурсам, что не всегда (хотя и часто) представляется обоснованным.

Вторую группу составляют **экологические права**, получившие конституционное закрепление, но требующие дальнейшего развития в законодательстве.

Право на чистую и здоровую окружающую среду было официально признано Генеральной Ассамблеей ООН в 2021 году как универсальное право человека¹. В Российской Федерации данное право имеет конституционное закрепление и получило развитие в законодательстве об охране окружающей среды; накоплена значительная судебная практика в предметной области.

Права будущих поколений представляют собой наиболее дискуссионную категорию экологических прав. Отечественное законодательство упоминает необходимость сохранения благоприятной окружающей среды для потомков в ряде нормативных актов, однако механизм защиты этих прав остается недостаточно разработанным.

Третью группу составляют **биоэтические права**, регулирование которых в России находится на начальной стадии развития.

Право на генетическую приватность предполагает защиту информации о геноме человека от несанкционированного

использования. В законодательстве о геномной регистрации в Российской Федерации урегулирован порядок получения и использования геномной информации, однако соответствующие положения распространяются лишь на узкий круг лиц. Законодательство об информации относит генетическую информацию к биометрическим персональным данным, требующим повышенной защиты. Также на законодательном уровне установлены требования безопасности при работе с клеточным материалом.

Право на модификацию собственного тела и генома не получило прямого закрепления в российском законодательстве, при этом установлены существенные ограничения на генетическое вмешательство.

Напротив, как уже отмечалось, *право на смерть (эвтаназию)* категорически отвергается отечественным законодательством.

Четвертую группу составляют **права, связанные с искусственным интеллектом**. Обсуждение возможности регулирования и защиты права на объяснение алгоритмических решений связано в первую очередь с наличием продвинутого регулирования и правоприменительной практики в Европейском Союзе, прежде всего – в части норм GDPR и Регламента об использовании искусственного интеллекта (AI Act²). Предполагается, что субъект данных должен получить значимую информацию о логике обработки в конкретной, прозрачной, понятной форме с реальны-

¹ Право человека на чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду : Резолюция, принятая Советом по правам человека 8 октября 2021 года A/HRC/RES/48/13 // Организация Объединенных Наций. Система официальной документации. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g21/289/52/pdf/g2128952.pdf> (дата обращения: 20.11.2025).

² Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) and amending certain Union legislative acts – Outcome of the European Parliament's first reading (Strasbourg, 11 to 14 March 2024) // Правовой портал Европейского Союза. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CONSIL:ST_7536_2024_INIT (дата обращения: 20.11.2025).

ми примерами последствий. В российском законодательстве аналог права на объяснение отсутствует. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ¹ вводит экспериментальные правовые режимы («регуляторные песчаницы»), в рамках которых, помимо прочего, апробируются механизмы ответственности за вред, причиненный применением искусственного интеллекта (далее – ИИ). Кодекс этики в сфере ИИ, принятый в 2021 году, закрепляет принципы гуманизма, транспарентности и ответственности², однако данный акт не имеет всеобщей обязательности. Право на человеческое вмешательство предполагает возможность оспорить решение, принятое ИИ, и передать его на рассмотрение человеку. В рамках обсуждения перспектив регулирования ИИ в стране предлагается установить запрет использования искусственного интеллекта, в частности, в образовании, если технологии не способствуют развитию учеников, а лишь помогают решать формальные обучающие задачи³. Соответствующая динамика свидетельствует о формировании человеко-ориентированного подхода к регулированию ИИ в России.

Пятую группу составляют **социально-экономические права** нового поколения.

Право на безусловный базовый доход предусматривает установление регулярных денежных выплаты государства каждому гражданину без каких-либо условий, вне зависимости от занятости, уровня дохода и социального положения. В России это право не закреплено законодательно, хотя идея периодически обсуждается в политическом дискурсе. В августе 2025 года вице-спикер Государственной Думы А. Бабаков заявил, что у России есть все возможности для введения базового безусловного дохода⁴. Концепция базового дохода рассматривается как ответ на вызовы, связанные с роботизацией и автоматизацией производства, ведущими к технологической безработице.

Право на цифровой отдых и право на отключение не получили законодательного закрепления в России. Эти права направлены на защиту работников от выгорания в условиях постоянной онлайн-доступности и удаленной работы. Концепция цифрового детокса обсуждается в контексте баланса между технологическим развитием и психологическим благополучием, однако правовые механизмы реализации этих прав пока не разработаны.

Проблематика воплощения новых прав человека в российскую правовую жизнь

¹ О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве, об особенностях обработки персональных данных при формировании региональных составов данных и предоставления доступа к региональным составам данных и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ (с изм. на 8 августа 2024 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564747621> (дата обращения: 20.11.2025).

² Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (дата обращения: 20.11.2025).

³ Литвинов Д. Концепцию регулирования искусственного интеллекта обновили // Парламентская газета. 2024. 4 декабря. URL: <https://www.pnp.ru/social/koncepciyu-regulirovaniya-iskusstvennogo-intellekta-obnovili.html?ysclid=mk8fhdb4k608195284> (дата обращения: 20.11.2025).

⁴ Для россиян предложили ввести базовый доход // ТАСС. 2025. 12 августа. URL: <https://tass.ru/ekonomika/24763115> (дата обращения: 20.11.2025).

Новые права человека: систематизация и место в контексте
российского правопорядка

заключается в неравномерности их нормативного признания и регулирования: экологические права получили конституционное закрепление и развитую судебную защиту; цифровые права регулируются преимущественно на уровне федеральных законов с акцентом на защиту персональных данных; биоэтические права находятся в стадии формирования с преобладанием запретительного подхода; права, связанные с искусственным интеллектом, регулируются концептуальными документами и экспериментальными правовыми режимами; социально-экономические права нового поколения остаются на уровне политических дискуссий без законодательного оформления. Оценка правоприменительной практики позволяет выявить системную проблему, связанную с тем, что асимметрия в правовом регулировании также создает дисбаланс в правовой защите личности. Экологические права имеют развитую систему судебной защиты, цифровые права активно защищаются в части персональных данных, но остаются проблемы с правом на доступ к интернету и правом на объяснение алгоритмических решений. Биоэтические права регулируются преимущественно через запреты, а не через позитивное признание прав человека на самоопределение в биомедицинской сфере

Развитие правового регулирования новых прав человека в Российской Федерации должно основываться на балансе между стимулированием инновационного развития и обеспечением эффективной защиты прав и свобод личности. Проведённый анализ законодательства, правоприменительной практики и доктринальных подходов позволяет определить приоритетные направления совершенствования правового регулирования и правоприменительной практики в отношении новых прав человека:

- в сфере **цифровых прав** необходимо обеспечить законодательное закрепление права на доступ к интернету как базового условия реализации других конституционных прав с одновременным обеспечением баланса между правом на доступ к интернету и мерами по обеспечению информационной безопасности;
- в области **экологических прав** приоритетным направлением развития правового регулирования выступает имплементация концепции прав будущих поколений. Декларативные упоминания в законодательстве о необходимости сохранения благоприятной окружающей среды для потомков должны быть дополнены процессуальными механизмами защиты этих прав. Целесообразно внедрение в правоприменительную практику категории «потенциал природы» как методологического основания государственной экологической политики и экологического права;
- регулирование **биоэтических прав** требует применения комплексного подхода. Первоочередной задачей является принятие федерального закона об этической экспертизе биомедицинских исследований, который должен определить случаи обязательного проведения этической экспертизы, состав и полномочия этических комитетов. Вопрос о легализации эвтаназии остается крайне дискуссионным, однако представляется целесообразным внесение в уголовное законодательство страны привилегированного состава убийства по мотивам сострадания, что позволит более справедливо оценивать деяния, совершенные с целью прекращения страданий безнадежно больного по его настоятельной просьбе. В то же время для предупреждения возможных злоупотреблений требует более четкого процедурного регулирования пассивная эвтаназия, фактически легализованная через право пациента на отказ от медицинского вмешательства;

• развитие регулирования **прав, связанных с использованием ИИ**, должно основываться на таких принципах, как человеко-ориентированный подход, технологический суверенитет, подконтрольность человеку, недопущение дискриминации. Актуальной задачей является имплементация в российское законодательство аналога права на объяснение автоматизированных решений. Опыт Европейского союза, где право на объяснение подтверждено решением Суда ЕС, может быть адаптирован с учетом российской специфики. Также необходимо развитие законодательства о защите персональных данных в условиях применения технологий больших данных и машинного обучения. В частности, требуется дальнейшая конкретизация требований к обезличиванию данных, используемых для обучения нейросетей, и механизмов получения согласия на обработку данных в автоматизированных системах. Разработка специального федерального закона о регулировании ИИ в России позволит создать целостную правовую базу вместо существующей фрагментарной системы регулирования;

• **социально-экономические права** нового поколения требуют дальнейшего изучения с точки зрения экономической целесообразности и социальных последствий. Введение безусловного базового дохода в России на современном этапе представляется преждевременным в силу высокой бюджетной нагрузки и рисков формирования иждивенческих настроений. Однако в перспективе, с учетом прогнозируемой технологической безработицы, связанной с автоматизацией и роботизацией производства, этот вопрос может вновь актуализироваться. Целесообразно проведение пилотных проектов по внедрению условных форм базового дохода для отдельных категорий граждан (молодежь, семьи с детьми) с по-

следующей оценкой социально-экономических эффектов. Права на цифровой отдых и отключение должны найти отражение в трудовом законодательстве через установление пределов использования работодателем средств электронной коммуникации для связи с работниками вне рабочего времени.

Заключение

Новые права человека выступают объективным результатом развития общественных отношений под влиянием цифровизации, обострения экологических проблем и революционных достижений биомедицины. В российской правовой системе новые права признаются неравномерно. Российская специфика регулирования новых прав человека заключается в сочетании прогрессивных норм (развитая защита экологических прав, активная работа по стандартизации в сфере ИИ) и консервативных подходов (абсолютный запрет эвтаназии, отсутствие признания права на доступ к интернету). Правоприменительная практика отражает последовательную защиту экологических прав и прав субъектов персональных данных, однако сталкивается с пробелами в защите прав, связанных с искусственным интеллектом и биомедицинскими технологиями.

Перспективы развития правового регулирования новых прав человека в России определяются необходимостью гармонизации национального законодательства с международными стандартами при сохранении культурной и правовой идентичности. Российская модель регулирования новых прав должна основываться на традиционных ценностях российского общества, конституционных принципах и учете технологических, экологических и биомедицинских вызовов современности.

Литература

1. Глушкова С.И., Летунов Е.Д. Развитие прав человека в условиях цифровизации общества: современные тенденции в цифровой реальности // Теории и проблемы политических исследований. 2021. Т. 10. № 5А. С. 11–27. DOI: 10.34670/AR.2021.23.96.002. EDN IKVRTG.
2. Варламова Н.В. Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. № 4. С. 9–46. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-4-varlamova. EDN NHRAEQ.
3. Зорькин В.Д. Providentia, или О праве будущего в эпоху цифровизации // Государство и право. 2020. № 6. С. 7–19. DOI: 10.31857/S013207690009932-7. EDN RJFHSE.
4. Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 25–42. DOI: 10.12737/jrl.2019.11.2. EDN CNJFSM.
5. Карташкин В.А. Цифровые права человека: международно-правовое и социальное измерения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 4. С. 949–962. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-949-962. EDN UKXTQM.
6. Edwards L., Veale M. Enslaving the algorithm: From a “right to an explanation” to a “right to better decisions”? // IEEE Security & Privacy. 2018. Vol. 16. No. 3. P. 46–54. DOI: 10.31228/osf.io/yhs9c
7. van der Sloot B., van Schendel S. Procedural law for the data-driven society // Information & Communications Technology Law. 2021. Vol. 30. No. 3. P. 304–332. DOI: 10.1080/13600834.2021.1876331
8. Бринчук М.М. Обеспечение экологической безопасности как правовая категория // Государство и право. 2008. № 9. С. 30–42. EDN JKCUGR.
9. Умнова-Конюхова И.А. Биологическая безопасность в международном праве и российском праве как новая сфера правового регулирования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2023. № 2. С. 7–19. DOI: 10.18384/2310-6794-2023-2-7-19. EDN DLHPGY.
10. Филитова И.А., Стешина О.М. Введение безусловного базового дохода как вероятное следствие интеллектуальной автоматизации сферы труда // Russian Journal of Economics and Law. 2024. Т. 18. № 3. С. 824–841. DOI: 10.21202/2782-2923.2024.3.824-841. EDN QKXDWO.
11. Галюкова М.И. Биогенетические права человека: новый структурный элемент в системе четвертого поколения прав // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 6. С. 111–123. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.106.6.111-123. EDN VFOOCY.
12. Пржиленский В.И. Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека в экзистенциальном измерении // Lex Genetica. 2023. Т. 2. № 1. С. 79–94. DOI: 10.17803/lexgen-2023-2-1-79-94. EDN GMRNNY.
13. Кубышкин А.В., Гринь О.С., Шилюк Т.О. Законодательство РФ в сфере защиты геномной и генетической информации в рамках медицинской диагностики // Общая реаниматология. 2024. Т. 3. № 20. С. 65–74. DOI: 10.15360/1813-9779-2024-3-2395. EDN HSMAMT.
14. Spaander M.M. The European Court of Human Rights and the Emergence of Human Germline Genome Editing: ‘The Right to Life’ and ‘the Right to (Artificial) Procreation’ // Slokenberga S., Minssen T., Nordberg A. (Eds) Governing, Protecting, and Regulating the Future of Genome Editing. The Significance of ELSPI Perspectives. Brill Nijhoff. P. 134–159. DOI: 10.1163/9789004526136_008

15. *Trendafilova A.D.* Bioethical and Medical Issues in the European Court of Human Rights Case-Law // *Iustinianus Primus Law Review*. 2020. Vol. 11. No. 3: Special Issue. URL: <https://journals.ukim.mk/index.php/iplr/article/view/3282> (дата обращения: 20.11.2025).
16. *Мустафаев С.Э.* Эвтаназия: легализация и уголовная ответственность // *Актуальные проблемы российского права*. 2016. № 3 (64). С. 130–135. DOI: 10.17803/1994-1471.2016.64.3.130-13. EDN VVBSOJ.
17. *Hegde A., Bhatti B.K., Dalvi V., Chandora P.* Balancing personal autonomy and the right to life in euthanasia // *International Journal of Legal Science and Innovation*. 2024. Vol. 6. No. 4. P. 61–80. DOI: <https://doi.org/10.10000/IJLSI.112086>
18. *Sunstein C.R.* The right to die // *Yale Law Journal*. 1997. Vol. 106. P. 1123–1163. DOI: <https://doi.org/10.2307/797150>

References

1. Glushkova S.I., Letunov E.D. (2021) Development of human rights in the context of digitalization of society: Current trends in digital reality. *Theories and Problems of Political Studies*. Vol. 10. No. 5A. Pp. 11–27. DOI: 10.34670/AR.2021.23.96.002 (In Russian).
2. Varlamova N.V. (2019) Digital rights – A new generation of human rights? *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. Vol. 14. No. 4. Pp. 9–46. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-4-varlamova (In Russian).
3. Zorkin V.D. (2020) Providentia or About the Law of the Future in the Era of Digitalization. *Gosudarstvo i pravo*. No. 6. Pp. 7–19. DOI: 10.31857/S013207690009932-7 (In Russian).
4. Bondar N.S. (2019) Information and digital space in the constitutional dimension: From the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Journal of Russian Law*. No. 11. Pp. 25–42. DOI: 10.12737/jrl.2019.11.2 (In Russian).
5. Kartashkin V.A. (2022) Digital human rights: International legal and social dimensions. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 22. No. 4. Pp. 949–962. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-949-962 (In Russian).
6. Edwards L., Veale M. Enslaving the algorithm: From a “right to an explanation” to a “right to better decisions”? *IEEE Security & Privacy*. Vol. 16. No. 3. Pp. 46–54. DOI: 10.31228/osf.io/yhs9c
7. van der Sloot B., van Schendel S. (2021) Procedural law for the data-driven society. *Information & Communications Technology Law*. Vol. 30. No. 3. Pp. 304–332. DOI: 10.1080/13600834.2021.1876331
8. Brinchuk M.M. (2008) Ensuring environmental safety as a legal category. *State and Law*. No. 9. Pp. 30–42. (In Russian).
9. Umnova-Konyukhova I.A. (2023) Biological safety in international law and Russian law as a new sphere of legal regulation. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*. No. 2. Pp. 7–19. DOI: 10.18384/2310-6794-2023-2-7-19 (In Russian).
10. Filipova I.A., Steshina O.M. (2024) Introduction of a guaranteed basic income as a probable consequence of intellectual automation of labor. *Russian Journal of Economics and Law*. Vol. 18. No. 3. Pp. 824–841. DOI: 10.21202/2782-2923.2024.3.824-841 (In Russian).
11. Galyukova M.I. (2023) Biogenetic human rights: A new structural element in the system of fourth generation rights. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. No. 6. Pp. 111–123. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.106.6.111-123 (In Russian).
12. Przhilensky V.I. (2023) The Existential Dimension of the Universal Declaration on Bioethics and Human Rights. *Lex Genetica*. Vol. 2. No. 1. Pp. 79–94. DOI: 10.17803/lex-gen-2023-2-1-79-94 (In Russian).

13. Kubyshkin A.V., Grin' O.S., Shilyuk T.O. (2024) Legislation of the Russian Federation in the field of protection of genomic and genetic information in the framework of medical diagnostics. *General Reanimatology*. No. 20. Vol. 3. Pp. 65–74. DOI: 10.15360/1813-9779-2024-3-2395 (In Russian).
14. Spaander M.M. (2022) The European Court of Human Rights and the Emergence of Human Germline Genome Editing: 'The Right to Life' and 'the Right to (Artificial) Procreation'. In: Slokenberga S., Minssen T., Nordberg A. (Eds) *Governing, Protecting, and Regulating the Future of Genome Editing. The Significance of ELSPI Perspectives*. Brill Nijhoff. Pp. 134–159. DOI: 10.1163/9789004526136_008
15. Trendafilova A.D. (2020) Bioethical and Medical Issues in the European Court of Human Rights Case-Law. *Iustinianus Primus L. Rev.* Vol. 11. No. 3: Special Issue. URL: <https://journals.ukim.mk/index.php/iplr/article/view/3282> (accessed 20.11.2025).
16. Mustafaev S.E. (2016) Euthanasia: Legalization and criminal liability. *Actual Problems of Russian Law*. No. 3 (64). Pp. 130–135. DOI: 10.17803/1994-1471.2016.64.3.130-13 (In Russian).
17. Hegde A., Bhatti B.K., Dalvi V., Chandora P. (2024) Balancing personal autonomy and the right to life in euthanasia. *International Journal of Legal Science and Innovation*. Vol. 6. No. 4. Pp. 61–80. DOI: <https://doi.org/10.1000/IJLSI.112086>
18. Sunstein C. R. (1997) The right to die. *Yale Law Journal*. Vol. 106. P. 1123–1163. DOI: <https://doi.org/10.2307/797150>

Поступила в редакцию: 04.12.2025

Received: 04.12.2025

Поступила после рецензирования: 29.12.2025

Revised: 29.12.2025

Принята к публикации: 13.01.2026

Accepted: 13.01.2026